

Аадо Линтроп

О горделивом корабле «Петропавловск», предвестнике революции

В эстонском фольклоре не очень много песен о русско-японской войне. Это «Морское сражение» (начальная строка — «Однажды из далеких восточных краев» («*Kord tõusis kaugelt ida poolt*»), «Там далеко в Маньчжурии» («*Seal taga kaugel Mandzhuurias*»), «В тысяча девятьсот четвертом» («*Üheksasaja neljandal*»), «Порт-Артур» (начальная строка «Далекая восточная страна и Тихое море» — «*Sa kauged idamaa ja Vaikne meri*»), «Теперь они сражаются в яростной буре битвы» («*Nüüd on nad võitlemas vihases tormis*»), «Этот похабный, поганый закон Российского государства» («*See Vene riigi seadus on ropp ja roojane*») и несколько других менее известных — вот, пожалуй, и весь репертуар, сохранившийся до наших дней, скорее всего потому, что в отличие от рунических песен эстонские народные песни нового типа не так хорошо систематизированы. Часть из них («Порт-Артур», «Теперь они сражаются в яростной буре битвы») наверняка являются текстами, изначально опубликованными, созданными местными авторами, имевшими поэтические амбиции, или переведенными

Аадо Линтроп

(Aado Lintrop)

Эстонский литературный музей,
Эстонский фольклорный архив,
Тарту, Эстония

ми ими же. Другие («В тысяча девятьсот четвертом») довольно точно следуют образцу песен русско-турецкой войны, в которых акцент ставился на военном пути простого солдата. Самая же известная из этих песен — «Этот похабный, поганый закон Российского государства» — есть редкий пример острой критики в адрес русских военачальников. Поэтому, а также благодаря своим начальным строкам песня стала вновь популярной в конце 1980-х гг. Последнее обстоятельство вынудило некоторых предполагать, что песню тогда и создали — уж слишком часто пели ее во время поющей революции.

Поводом заняться песней, связанной с темой русско-японской войны, послужила для меня статья одного эстонского историка, опубликованная в газете «Постимээс» (*Postimees*) 27 мая 2005 г. [Vahtre 2005]. В статье утверждалось, что песня «Этот похабный, поганый закон Российского государства» создана, возможно, лишь в конце 1980-х гг., поскольку в ней есть куплет о корабле «Петропавловск», которого в 1904 г. якобы вообще не существовало. Я не специалист по военной истории, но когда-то, просматривая электронные варианты старых газет, читал сообщения о гибели названного корабля вблизи Порт-Артура. Теперь я отыскал их заново и написал комментарий к статье [Lintrop 2005], где показал, что песня описывает гибель корабля поразительно точно. В то же время обращение к народной песне нового типа (а моя обычная тематика — мифология рунических песен) породило немало мыслей и вопросов, оставшихся тогда без ответа. Они касались отражения военных событий, возможного происхождения данной песни и становления революционной песни вообще.

Как это часто случается, при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что предположения не отвечают реальности. Я думал, что песня, которая начинается с указания на похабность российских законов, — это песня военная, к которой, может быть, в революционном пылу добавили еще несколько куплетов, но в которой мы находим прежде всего упоминание именно военных событий. На самом деле я обнаружил в архиве две разные песни, совпадающие лишь частично. Большая часть текста в них посвящена революционным событиям, а война упомянута только в определенном контексте после строк: *В Маньчжурии не было / у нас храбрых начальников. / Откуда пришли эти храбрецы, / убивавшие нищих? (Mandzhuurias ei olnud / meil vapraid ülemaid. / Kust on need vaprad tulnud, / kes tapsid kerjajaid?)*

Фоном общей части обеих песен является хронология русско-японской войны. Поэтому я рассмотрю сначала именно ту из двух песен, которую можно условно назвать песней об этой

войне. В рукописных собраниях я нашел вариант, записанный и присланный в архив в 1971 г. из Иисаку неким Оскаром Сурва (*Oskar Surva*). Этот текст тоже содержит в конце стихи, которые близки революционной песне. Записавший сообщает и о происхождении песни. «*Кое-что о войне 1904/05 годов рассказал мне в 1920 г. ее участник — мой дядя по отцу Ганс Яанович Сурва. Он родился в 1868 г., умер в 1925 г. в Педье, в приходе Лауусэ, где ему принадлежал хутор Лииваку. Песню я записал, когда был там летом. Пел ее вечером после того, как мы все вместе возили навоз*» (*Mõnda 1904/05 a. Vene-Jaapani sõjast, mida mulle 1920. aastal jutustas lell Hans Jaani p. Surva, kes oli selles sõjas. Sündinud 1868., surnud 1925. a. Pedjas, Laiuse kihelkonnas, kus ta oli Liivaku talupidaja. Laulu panin siis kirja, kui olin suil sääl. Laulis seda pääle sõnniku (talguga) vedamise lõppu, õhtul*) [RKM II 280, 502]. В фонотеке нашел я еще один вариант песни, которую в 1970 г. записала у того же Оскара Сурва Малль Хиимяэ (*Mall Hiimäe*). К записи есть вступление: «*Это было в 1920 г., когда я был в Педье у младшего брата отца, и тогда он научил меня этой песне. Он был на японской войне, а затем вернулся оттуда, и эта песня была, конечно, против царя. Он мне сказал: „Парень, выучи эту песню!“ И тогда я записал ее, и вот она мне теперь так запомнилась*» (*See oli aastal 1920, kui olin Pedjas lelle pool, isa noorema venna pool, ja siis tema õpetas mulle seda laulu, tema oli Jaapani sõjas, siis tuli sealt, ja see muidugi oli keisri vastane. Ütles mulle: «Poiss, see laul õpi ära!» Ja siis ma kirjutasin ta üles ja nüüd siis on tema mul sedamoodi meelde jäänud*) [RKM, Mgn II 1841 a]. Спето 12, а записано 20 четырехстрочных куплетов, из чего можно предположить, что до записывания текст песни напомним или же он был переписан из песенника. Что касается описываемых событий, то оба варианта более или менее совпадают. Лишь падение Порт-Артура и поражение Небогатова расширены в письменном варианте до двух куплетов, например:

а) письменный

*Порт-Артур — мощная крепость,
Она не взята,
Япошка ее окружил,
Чтобы взять голодом.*

*Генералу Стесселю нужны
были деньги,
Чтобы хорошо жить.
Он крепость тогда
Целиком продал.*

*(Port Artur vägev kindlus,
ta äravõitmata,
Stösselil oli raha vaja,
müüs maha kõigeega.*

б) устный

*Порт-Артур — мощная крепость,
Она не взята,
Стесселю были нужны деньги,
Целиком продал.*

*(Port-Artur —
vägev kindlus,
ta ära võitmata,
japs selle sisse piiras,
et võtta näljaga.*

RKM II 280, 504
< Оскар Сурва (1971)

*Kindral Stössel raha vajas,
et hästi elada.*

*Ta kindluse müüs maha
siis kõige täiega.)*

RKM, Mgn II 1841 a

< Оскар Сурва (1970)

Для сравнения могу привести две версии из Интернета и одну песню, исполненную группой «Унтсакад» (*Untsakad*). Интернетовские тексты взяты из электронных песенников. Один называется «Студенческий песенник» (*Üliõpilaslaulik*) и содержит 317 песен [*Üliõpilaslaulik*], другой — «Песенный листок» (*Laululeht*) и содержит более 250 песен [*Laululeht*]. Оба текста, происхождение которых неизвестно, похожи на вариант, исполненный группой «Унтсакад», но различаются в некоторых важных моментах. В песне «Унтсакад» имеется куплет про Небогатова, а в обоих текстах из Интернета его нет. Текст «Песенного листка» содержит некоторые типичные для революционной песни куплеты.

*Столетия у нас минули с плачем,
Глаза наши видели лишь кровавую пляску.*

*Здесь народ везли в поезде на казнь
И всех подряд подставляли под пули.*

*(Meil aastasajad mööda on läinud nutuga,
mis meie silmad näinud üht tantsu verega.)*

*Siin rahvast rongil veeti see tapapingile
ja ridamisi säeti seal ohvriks kuulile.)*

И в конце:

*У них на груди русские кресты и сабли на поясе,
У них золота полны карманы — все это наш труд.*

*(Neil rindas vene ristid ja mõgad puusa peal,
neil kulda täis on taskud — kõik meie vaev on see.)*

Кроме того, встречаются и более мелкие различия, которые свойственны устной традиции, например могучий ~ мощный, с голодом ~ с холодом и т.д.

Версии Оскара Сурва содержат куплет, который я не находил ни в одном другом тексте.

*Ляоян и Мукден — все
Отдали япошке,
Где наших братьев солдат
Ужасно убивали.*

*(Liaojan ja Mukden kõik
ära anti japsile,
kus meie vendi soldateid
löödi maha hirmsaste.)*

RKM II 280, 505

< Оскар Сурва (1971)

В его текстах есть и куплет о некоем недоумке, который можно найти почти во всех вариантах революционной песни, в которых кто-то конкретно назван по имени. Но об этом позже.

Посмотрим теперь, какие именно люди и события войны помещены в песню ее неизвестными авторами. Причины войны и поражение российской дипломатии песня описывает довольно метко.

*Мало земли было у русского царя,
Начал он войну,
Так как земли китайской страны
Он очень захотел.*

*Япошка сказал: «Не суйся!
Уйди ты отсюда.
Если по-хорошему не уйдешь,
Побью дубиной».*

*Ох япошки, черт поберу!
Ну, вас мы покараем.
Вас меховыми шапками
Мы в море побьем.*

*(Vene keisril maad oli vähe,
ta sõda alustas,
sest Hiina riigi maid
ta väga ihaldas.*

*Japs ütles: «Ära topi!
Kao siit sa minema.
Kui heaga ei lähe,
siis peksan malgaga».*

*Oh japsid, kurat võtaks!
No teid me nuhtleme.
Teid karvamütsidega
me merde peksame.)*

РКМ II 280, 503

< Оскар Сурва (1971)

Такой «политический анализ» стал возможным благодаря тому, что в контексте русско-японских переговоров газеты отражали и предшествовавшие им события. Это и японо-китайский мирный договор 1895 г., по которому Япония получила права на Ляодунский полуостров, и аренда русскими этого полуострова и Порт-Артура в 1898 г. (словно специально для того, чтобы подразнить Японию), и оккупация Россией Маньчжурии в 1900 г., и желание Японии расширить свое влияние в Корее и сопредельных районах. В газетах находили отражение взгляды и Алексея Куропаткина, бывшего военным министром в 1898–1904 гг., и других русских военачальников, считавших, что победа в войне с Японией не потребует от России существенных усилий, а потому не уделявших достаточного внимания укреплению обороноспособности Дальневосточного региона¹. Распространялись мнения, что японская армия есть воинство подростков, с которым справится любой приличный эскадрон, что японцы недостаточно религиозны, чтобы создать хорошую армию, что пройдут века, прежде чем японцы смогут по-настоящему освоить европейские приемы

¹ Военные планы русских предусматривали оборонительные сражения на суше до того времени, когда по железной дороге будет подвезено достаточно войск, чтобы достичь значительного перевеса в живой силе. Россия надеялась на мощь крепостных сооружений Порт-Артура и на Тихоокеанский флот, который начали ускоренно создавать с конца 1890-х гг. и который должен был достичь своей полной ударной мощи к 1905 г. [Свечин 1928: 462–471].

войны, внешние формы которых они переняли столь быстро, и т.д. [Свечин 1928: 466, 467].

В песне последовательность военных событий находит своеобразное отражение. Цепь трагических неудач русских обычно открывается гибелью «Петропавловска».

*Петропавловск, горделивый
корабль,
Такой он был мощный.
Раздался грохот, и на дне моря
Теперь вдруг лежит.*

*(Petropavlovsk uhke laev,
Nii vägev oli ta:
Käis pauk ja mere põhjas
Nüüd lebab korraga.)*

RKM, Mgn II 1841 a
< Оскар Сурва (1970)

*Петропавловск, горделивый
броненосец,
Такой он был мощный —
Грохот раздался, и на дне моря
Он лежит целиком.*

*(Petropavlovsk, uhke soomuslaev,
nii vägev oli ta —
pauk käis ja mere põhjas
ta lebab kõigega.)*

RKM II 280, 504
< Оскар Сурва (1971)

То, что в песне не обращается внимание на события начала войны, можно объяснить тремя обстоятельствами. Во-первых, эти события не были оперативно отражены в прессе. Во-вторых, основываясь на приходящей с театра военных действий информации, первые морские сражения было нельзя истолковать как явные поражения русских. В-третьих, в первые месяцы войны антигосударственные настроения в народе еще не преобладали. Подробно о японской атаке 8 февраля и о потоплении лучших русских военных кораблей читатели «Постимэс» узнали только 3 марта. Но даже тогда еще не говорилось о всех подробностях, в частности о том, насколько сильно были повреждены броненосцы «Ретвизан» (построен в 1900 г.) и «Цесаревич» (1901) и крейсер «Паллада» (1899). В результате полученных повреждений все они не пошли ко дну только потому, что выбросились на мель, причем «Ретвизан» исключительно неудачно, ибо частично закрыл фарватер¹. А последнее и довольно бессмысленное сражение крейсера «Варяг» (построен в 1901 г.) 9 февраля на рейде гавани Чемульпо было представлено властями как героический подвиг, причем подробности даже этого происшествия достигли эстонских газет только в конце месяца². Однако о гибели «Петропавлов-

¹ Тем не менее через некоторое время эти корабли были опять приведены в боеготовое состояние. «Цесаревич» участвовал летом 1904 г. в битве на Желтом море, укрылся в нейтральном порту и был интернирован. «Ретвизан» и «Паллада» были потоплены в начале декабря во внутренней гавани Порт-Артура огнем японских наземных батарей. Оба были подняты японцами и вошли в состав Императорского флота под именами «Хидзен» и «Цугару».

² «Варяг» был тоже поднят японцами и вошел в состав Императорского флота под именем «Соййя». Российское правительство выкупило крейсер в 1916 г. и послало в Англию на ремонт. После государственного переворота в России Англия реквизировала корабль и продала в 1919 г. на металлолом. В пути «Варяг» наткнулся на риф у берегов Шотландии и затонул.

ска» (построен в 1894 г.) «Постимээс» писал уже на следующий день (14 апреля), также заметив, что вместе с кораблем погиб и командующий флотом вице-адмирал Степан Макаров. К этому времени к театру военных действий прибыло уже большое количество представителей телеграфных агентств и корреспондентов газет из России и других стран, предлагавших более оперативную и разностороннюю информацию. Загадочно быстрая гибель «Петропавловска» на несколько недель стала темой для разговоров, поскольку наши газеты опубликовали официальный комментарий только 2 мая. Помимо прочего подозревали, что корабль затонул из-за технической неисправности. *«Отступая от приближающихся японских кораблей, русский флот стал подходить ко входу в Порт-артурскую гавань. Было утро, после 8 часов. Большинство офицеров и вообще моряков завтракали. Адмирал Макаров завтракал в своем кабинете. На мостике были Великий князь Кирилл Владимирович, его адъютант Кубэ и командир корабля капитан Яковлев. Два офицера стояли на вахте и наблюдали за узким входом в гавань. В половине девятого, когда корабль как раз должен был войти в нее, взорвался один котел, после чего с перерывом в несколько минут последовал взрыв в пороховом погребе. Задранные люки в корпусе корабля лопнули, и вода начала поступать внутрь, из-за чего нарушилось равновесие и корабль затонул. Все сообщения подтверждают, что корабль не подорвался на mine»* (*Vene laevastik ligines Jaapani laevastiku eest taganedes sadamasuule. Oli hommiku pääle kella 8. Suurem jagu ohvitserisid ja muid laevamehi sõivad hommikupala. Admiral Makarov sõi omas kabinetis. Silla pääl olivad Suurvürst Kirill Vladimirovitš, tema adjutant Cube ja laeva komendant, kapten Jakovlev. Kaks ohvitseri seisivad vahi pääl ja vaatlesivad kitsast sadamasuud. Kell oli pool üheksa ja laev pidi just sisse sõitma, kui äkitselt üks katel lõhkes, millele mõne minuti pärast püssirohu-magasiniist plahvatus järgnes. Tugevad luugid laevakeres olivad lahti kistud ja vesi voolas sisse, mille läbi tasakaal kadus ning laev vajus alla. Kõik sõnumid tahavad tõendada, et laev mitte miini läbi hukka ei läinud*) [Postimees. 1904. 21.04]. Такое описание соответствует куплету песни.

За этим обычно следует куплет о продаже Порт-Артура. Здесь в действие вступает историческая персона — генерал Анатолий Стессель. В действительности Стессель был командующим вооруженными силами на Квантунском полуострове, а комендантом Порт-Артура являлся генерал К. Смирнов. Хотя блокада Порт-Артура длилась восемь месяцев и гарнизон города был, несомненно, утомлен долгой осадой, даже для противника капитуляция стала неожиданностью. Вот как пишет об этом «Postimees». *«Корреспондент „Дэйли мэйл“ сообщает: „Блокировавшие Порт-Артур японские войска получили предложение о*

капитуляции достаточно неожиданно. Генерал Ноги потребовал сначала, чтобы сдавались без всяких условий, но Стессель это отклонил. Переговоры длились несколько часов, прежде чем стороны достигли соглашения. Японские офицеры выразили восхищенные героическими действиями русских по обороне крепости. Переговоры были почти дружеского характера и проходили за обеденным столом, причем русские и японцы сидели рядом друг с другом» («Daily Mails» sõnumisaatja teatab: «Jaapani piiraja vägi sai allaandmise ettepaneku päris ootamatult. Kindral Nogi nõudis esialgu, et ilma mingi tingimiseta alla antaks, kuid Stössel lükkas selle tagasi. Läbirääkimine kestis mitu tundi, enne kui kokku lepitigi. Jaapani ohvitserid soovisivad venelastele kindluseväe vägilase-tegudeks õnne. Läbirääkimine oli peaaegu sõbralikku laadi ja peeti lõunalauas, kusjuures venelased ja jaapanlased üksteise kõrval istusivad») (6.01.1905). В том же сообщении отмечалось, что и Смирнов был за капитуляцию, а весь гарнизон крепости, в свою очередь, за Смирнова. Последняя информация оказалась ложной в первом пункте — Смирнов решение о капитуляции не поддержал. И хотя неоднократно подчеркивают слова Стесселя о всего лишь восьми тысячах боеспособных солдат, все-таки выясняется, что в Японию в качестве военнопленных должны были отправиться более 20 000 низших чинов. Известности Стесселя, возможно, помогли его отставка и отдача под суд (процесс состоялся в 1907 г., Стесселя приговорили к смертной казни, но царь заменил ее каторгой).

Далее в вариантах Оскара Сурва следует куплет о реке Ялу.

Где бежит река Ялу,

Там мы увидели беду.

Оттуда голодными, босиком

Мы убежали.

(Kus jookseb Jalu jõgi,

sääl häda nägime.

Säält nälgas, paljajalu

me jalga laskime.)

РКМ II 280, 505 < Оскар Сурва (1971)

Как уже упомянуто выше, решающая битва на Ялу произошла 1 мая. Последовавший за ней отход русских сухопутных войск стал первым в длинном ряду отступлений, открыв японцам дорогу на Ляодун. Блокада Порт-Артура была прямым следствием этих событий. В том же номере «Постимээс» (2 мая), в котором появился официальный комментарий о гибели «Петропавловска», кратко сообщалось и об отступлении русских сухопутных войск, об оставлении позиций на Ялу. На следующий день газета сообщала, что сражение на Ялу не нанесло ни одной из сторон особого вреда и что скорее всего русская армия и не хотела по-настоящему держать оборону на берегу этой реки. Однако уже в следующем (4 мая) номере «Постимээс» можно прочитать, что битва была серьезной, что на одной стороне дрались 25 тысяч русских, а на другой — 80—

100 тысяч японцев и что японцы использовали свой перевес в живой силе для преследования отходящих русских войск. Еще через день описание битвы уже выходит под заголовком «Кровавая бойня на Ялу». Помимо прочего написано: «*Наши раненые также продемонстрировали исключительную доблесть. Выносить раненых с поля боя было сложно. Подобно всем дорогам в Маньчжурии, та, что ведет от берега Ялу вглубь страны, — это разбитый проселочный тракт, по которому на телеге почти невозможно передвигаться. Тяжелораненых несли нанятые китайцы, иные пытались пробраться на двухколесных телегах, а большинство легкораненых вынуждены были идти пешком. От берега Ялу до Фенванчена 65 верст, и это расстояние наши раненые преодолели за сутки*» (*Suurt vahvust on ka meie haavatud näidanud. Haavatute lahinguväljalt äraviimine oli vaevaline. Nagu kõik Mandzhuuria teed, nii on ka see tee, mis Jalu äärest sisemaale läheb, vilets väljatee, kus vankritega sõita nii hästi kui võimalik ei ole. Kel haavad rasked olivad, need kanti palgatud hiinlaste poolt edasi, mõned teised püüdsivad kaheratta-kaarikutega edasi pääseda, suurem jagu, kelle haavad kergemad, pidivad aga jala minema. Jalu äärest Föngvangtshöngi on 65 versta ja selle maa on meie haavatud öö-päevaga ära käinud*) [Postimees 5.05.1904].

Затем обычно следуют куплеты о Куропаткине, отпускающем шутки, сидя в ванне с вином, о голодающей армии, о цене собачьего мяса и о том, как плясали русского в ожидании победы. Об Алексее Куропаткине как военном министре России уже говорилось. Здесь следует добавить, что в самом начале войны царь назначил его главнокомандующим русскими войсками на Дальнем Востоке — возможно, по принципу «пусть ест заваренную им же кашу». Кроме комментариев к новостям с фронта газеты каждый день в рубрике «телеграммы» публиковали послания от лица Куропаткина «на самый верх». Итак, Куропаткин, несомненно, был наиболее известным деятелем русско-японской войны. Естественно, ни в одной газете мы не найдем сообщений о полководце, который балует себя винной ванной, однако начиная с битвы на Ялу имя Куропаткина ассоциируется с поражением всей русской армии.

В газетах мне не удалось найти сообщений и о поедании собачьего мяса. К тому же собак как в Китае, так и в Корее ели и в обычных условиях, а не только во время голода. «Постимээс» 7 ноября публикует письмо некоего Й. Вау (J. Vau), отправленное по пути в действующую армию, видимо, уже с Дальнего Востока. Помимо прочего, узнаем из него, что «*жизнь здесь дорогая. Сахар, например, стоит 70–80 коп. за фунт, китайский сахар — 80 коп., черный хлеб — 6–8 коп., белый (примерно 2 фунта) — до 50 коп., фунт мяса — 25–85 коп.,*

сажень дров — 60—72 рубля» (Elutarvitused on siin kallid: nii maksab näit. suhkur 70—80 kop. nael, hiina suhkur 80 kop., must leib 6—8 kop., sai (umbes 2 naela) kuni 50 kop., lihanael 25—85 kop., puusüld 60—72 rubla). Надо заметить, что в революционных песнях фунт собачьего мяса часто стоит как раз полтинник. Вита Иванаускайте (*Vita Ivanauskaitė*), научный сотрудник отдела народных песен Литовского института литературы и фольклора, обратила мое внимание на литовскую песню, которая содержит строки о поедании животных в окруженном Порт-Артуре.

*Patartūri didi badai
Reikia nukentėti,
Arkliai, šunys, katės pjauti,
Valgyti pradėti.*

LTR 407 (522)

(В Порт-Артуре мы сильно страдали от голода, убивали лошадей, собак, кошек, ели их на ужин.)

Варианты песни О. Сурва содержат куплет с топонимами Ляоян и Мукден. Оба были крупными населенными пунктами и железнодорожными станциями стратегического значения на пути в Порт-Артур. Сражение у Ляояна происходило с 24 августа по 3 сентября 1904 г., русские потеряли в нем 19 тысяч человек, японцы 23 тысячи. Сражения под Мукденом начались 19 февраля сразу после конца больших холодов и шли до 10 марта 1905 г. Говорили, что русские войска потеряли там убитыми и ранеными 89 тысяч, а японцы — 70 тысяч человек. Нет поэтому ничего удивительного, что в песне говорится: *наших братьев солдат / ужасно поубивали (meie vendi soldateid / löödi maha hirmsaste).* Для сравнения надо заметить, что непосредственно перед войной у России на Дальнем Востоке и в Маньчжурии было 97 тысяч человек в регулярных войсках и 24 тысячи пограничников [Свечин 1928: 459]. В сущности и осеннее наступление японцев на берегах Шахэ (10—17 октября) происходило достаточно близко от Мукдена. Все эти сражения подробно описывались в газетах. Например, под заголовком «Письмо из страны смерти» мы можем прочитать отправленное из Мукдена и датированное 29 сентября (12 октября) описание такого рода. «*Последняя битва, состоявшаяся вблизи Мукдена и Янтая, оставила и нашей малой родине больше болезненных воспоминаний, чем все предыдущие. 26, 27, 28, и 29 сентября в исключительно яростной и кровавой битве участвовал и пехотный корпус, в котором — особенно в 146-ом Царицынском, 148-ом Самарском и 148-ом Каспийском полках — много эстонцев. <...> В числе погибших и известный нарвский силач Нээлус. Он служил в Царицынском полку, в первой роте»*

(«Kiri surmariigist»: Viimane Mukdeni ning Jantai ümbruses löödud lahing jätab ka meie väikesele kodumaale rohkem valusaid mälestusi järele kui senised. 26., 27., 28. ja 29. septembril oli väga ägedas ning verises võitluses ka jalaväe-korpus tegev, kus iseäranis 146. Tsaritsõni, 148. Samara ja 148. Kaspia polgus palju eestlasi on. <...> Surnute hulgas on ka tuttav Narva jõuukangelane Neelus. Tema teenis Tsaritsõni polgus, 1. roodus) [Postimees. 9.11.1904]. Автором письма был поэт, собиратель фольклора и книгопродавец Яан Роотсланэ (Jaan Rootslane). Конечную фазу битвы 1905 г. при Мукдене выразительно характеризует следующее сообщение с японской стороны¹ (под названием «Об отступлении русской армии»): «В среду телеграфировали из полка Куроки: сегодня утром под покровом темноты русские оставили всю территорию у берегов Шахэ. Они отступают теперь на север, в то время как японская армия их преследует. Перед отступлением русские подожгли свои склады, которые горели всю ночь. Кажется, что вот-вот падет Мукден. Японцы догоняют русских на восточном фланге». И с нового абзаца: «Еще в среду корреспонденты русских газет выражали уверенность, будто русские могут победить. Корреспондент „Нового времени“ Табурно телеграфировал: „Полагаю безусловно, что мы в конце концов победим“» (Kuroki väest telegrahveeriti kolmapäeval: Täna hommiku on venelased pimeduse kätte all tervelt maalt Šahe ääres lahkunud. Nemat taganevad nüüd põhja poole, kuna Jaapani jalavägi neid taga ajab. Enne taganemist panivad venelased oma tagavarale tule otsa, mis terve öö põles. Mukdeni langemine näib otsekohe tulemas olevat. Jaapanlased on venelastel idatiival kannul. <...> Vene lehtede sõnumisaatjad uskusivad veel kolmapäeval, et venelased võita võiksid. «Novoje Vremja» sõnumisaatja Taburno telegrahveeris: «Mina usun kindlasti, et meie viimaks võidame») [Postimees. 1905. 11.03].

Необоснованное ожидание победы отражается и в рассматриваемых песнях. О том, как на самом деле происходило отступление, пишет Куста Рандэр (Kusta Rander) из Ильматсалу (Ilmatsalu): «До 13 февраля я уже пробыл на фронте пять месяцев, но таких трудностей, какие начались с 13 февраля, когда наш Каспийский полк участвовал в сражениях и отступал, еще не переживал! Сохрани Бог от отступления, это у человека душу живьем вырвет! После того как мы бились целый день и полночи, около полуночи мы начали отступать. Уж это было тяжело — 50 верст подряд! На следующую ночь мы смогли поспать. Затем слева от Мукдена началась новая сражение и потом опять отступление — 68 верст с тяжелым грузом и на пустой желудок без остановки. Наши раненые и мертвые братья остались у врага

¹ «Постимээс» того периода часто использовала телеграфные сообщения японцев, получая их скорее всего через английские газеты или корреспондентов.

для лечения и захоронения. После этого мы отступали еще 5 дней, так что в целом прошли около 250 верст. Так как у меня по природе сильное здоровье, то я не потерял во время этой прогулки ничего, кроме кожи на пятках. Но земляков, кроме меня, осталось в роте лишь двое — все пропали словно тени. <...> Еда более скудная, чем прежде, когда у нас запасов было достаточно, поскольку предназначенное для армии пропало в огне во время отступления» (Kuni 13. veebruarini olin ma ligi viis kuud sõjaväljal tööda saanud, aga niisuguseid raskusi ei olnud ma veel tunda saanud, mis 13. veebruariga algasivad, mil meie Kaspia polk lahingutes viibis ja mil tema taganes! Jumal hoidku taganemise eest, see võtab inimesel elusalt hinge välja! Pääle selle, kui meie terve päeva ja pool ööd võidelnud olime, hakkasime öösi kella 12 ajal taganema. See oli aga valing — 50 versta ühe jutiga! Järgmisel ööl saime magada. Selle järel algas pahemal pool Mukdeni uus lahing ja siis jälle taganemine — 68 versta kange raskuse all tühja kõhuga, ilma peatuseta. Meie haavatud ja surnud vennad jäävad vaenlase ravitseda ja koristada. Pääle selle taganesime veel 5 päeva, nii et üleüldse umbes 250 versta käidud oli. Et minul loomu poolest kõva tervis on, siis ei olnud ma selle jalutuskäigu juures muud kaotanud, kui jalatallade alt naha. Kuid kodumaa sõpru ei ole rohkem roodu jäänud, kui kaks meest pääle minu — nad on varju kombel kadunud. <...> Söök on kasinam, kui enne, mil meil toidutagavara küllalt oli. Sest see, mis sõjaväele määratud oli, sai taganemise ajal tulerooks) [Postimees. 24.05.1905].

Сначала я не предполагал, что люди, побывавшие в бою, могли быть среди авторов песен о русско-японской войне, ибо думал, что у них нет достаточного представления об общем ходе военных действий. Эту позицию, казалось, подтверждал и абзац из репортажа комментатора «Постимээс» Антона Сууркаська (Anton Suurkask)¹, который датируется 12 (25) декабря 1904 г.: «Сегодня оживленно прошел по армейским рядам слух, будто семь больших военных кораблей Балтийского флота накануне прибыли в Порт-Артур. Проникнув сквозь кольцо окружения, они якобы повредили или потопили два японских корабля. На лице каждого солдата появилась радостная улыбка и прозвучали голоса: „Теперь скоро война закончится!“ Кто знает, какова подлинная история прибытия нашего флота в Порт-Артур и как далеко еще конец войны! В армии ходит много ложных слухов» (Täna käis elavalt kuulujutt sõjaväe ridadest läbi, et eila olla Baltimere laevastiku seitse suurt sõjalaeva Port-Arturisse jõudnud. Piiramiseringist läbi tungides olevat nad kahte Jaapani laeva vigastanud, või põhja lasknud. Rõõmus naeratus ilmus iga sõjamehe palgele ja mõnigi hääl tuli kuuldavale: „Nüüd on sõda varsti lõpetatud!“ Kes teab, kuidas meie laevastiku Port-Arturisse jõudmise lugu on ja kui kaugel alles veel

¹ Антон Сууркаськ был также известным собирателем фольклора и писателем.

sõja lõpp võib olla! Tühje juttusid liigub palju sõjaväes ümber) [Postimees. 1905. 10.03]. Сообщения корреспондентов дошли до читателей с задержкой на два-три месяца. На самом деле в тот день Второй Тихоокеанский флот еще не достиг Мадагаскара (прибыл туда 8 января 1905 г.).

Этот случай наглядно показывает, что у большинства рядовых не было хорошего представления о ходе войны. В то же время поскольку эстонские газеты постоянно следили за движением флота, то можно предположить, что его описывала в какой-то мере и русская пресса. Следовательно, ни один человек, будучи в курсе событий, не мог бы распространять такой слух. Однако я был вынужден частично изменить свое мнение об осведомленности солдат, когда прочитал следующее место из послания резервиста Г. Фриша (G. Frish) (датировано 17 (30) марта 1905 г.): *«В те дни, когда почта до нас не доходила, мы все-таки исправно получали корреспонденцию — ямской начальник посылал ее конным нарочным. Но с 22 февраля до 14 марта никто ничего по почте вообще не получил, так как почтальоны бежали. Само собой разумеется, начальник почтамта телеграфировал в Харбин, чтобы оттуда никакой корреспонденции не высылали. 14 марта количество полученных нами писем и газет было очень большим»* (Need päevad, mil post meist eemal oli, saime ikka veel postisaadetusi korralikult kätte; postijaoskonna ülem saatis nad ratsamehega. 22. veebruarist 14. märtsini aga ei saanud keegi postilt midagi, sest et see põgenes. Iseenesest mõista telegrahveeris posti-jaoskonna ülem Harbini, et postisaadetusi säält välja ei saadetak. 14. märtsil oli kirjade ja ajalehtede hulk, mis meie saime, väga suur) [Postimees. 1905. 12.05]. Тот же человек пишет немного позже: *«В числе посылки было и три на мое имя, которые нам выслал редактор „Постимээс“ 20 дек. 1904. В посылках было 36 фунтов принадлежности для письма и несколько пар носков и рукавиц»*. И там же ниже: *«Мне трудно ответить всем тем, кто спрашивал меня в письмах о числе жертв в битве на Шахэ»* (Pakkide hulgas oli ka minu nime pääle kolm pakki, mis „Postimehe“ toimetaja meile 20. dets. 1904 saatnud oli. Pakkides oli 36 naela kirjutamise-materjali ja mõni paar sukke ja kindaid. <...> Nendele paljudele, kes mulle kirjalikka küsimisi Šahe lahingu ohvrite üle on saatnud, on raske vastust anda.) [Postimees. 1905. 2.06]. Как выясняется, общение между эстонцами на поле битвы и на далекой родине было весьма частым, газеты и письма передавались посылками. Многие солдаты в далекой Маньчжурии были хорошо информированы, и что еще важнее — у них была возможность увидеть все с близкого расстояния, что существенно для понимания позиции автора песни.

В качестве последнего эпизода в военных песнях фигурирует куплет:

*Небогатов, пират,
Пошел с флотилией корыт,
Достиг места сражения,
Вдруг утонул.*

*(Nebogatov, mereröövel,
läks mollikarjaga,
sai sõjavälja ligi,
läks põhja korraga.)*

RKM, Mgn II 1841 a
< Оскар Сурва (1970)

*Небокатов, пират,
Пошел с флотилией корыт.
Увидел чужие рыбацьи лодки —
Их он потопил.*

*Тогда от этой большой победы
Он так был полон гордости,
Достиг места сражения,
Вдруг утонул.*

*(Nebokatov, mere röövel,
läks molli karjaga.
Võõraid kalapaate nägi —
neid põhja laskis ta.*

*Siis sellest suurest võidust
nii uhkust täis oli ta,
sai sõjavälja ligi,
läks põhja korraga.)*

RKM II 280, 506
< Оскар Сурва (1971)

Таким образом описывают подвиги Николая Небогатова, командира эскадры, состоявшей из четырех старых броненосцев и нескольких еще более старых вспомогательных судов, посланных из Балтийского моря вслед за флотом Зиновия Рожественского. Эскадра соединилась в апреле с главными силами и участвовала в роковой битве при Цусиме 14 и 15 мая. После гибели большого числа кораблей и ранения адмирала Рожественского Небогатов перенял обязанности командора и пытался уйти в сторону Владивостока, но не сумел оторваться от японской эскадры и сдался. Так что на самом деле потонули «новые корыта» Рожественского, а «старые корыта» Небогатова японцы просто забрали себе¹. В некоторых вариантах революционной песни Небогатов и заменен Рожественским. В версии О. Сурва мы тоже находим намек на атаку на рыбаков: *увидел чужие рыбацьи лодки — / их он потопил (võõraid kalapaate nägi — / neid põhja laskis ta)*. Вышедшая 15 октября из Либавы (Лиепая — Lierāja) эскадра Рожественского встретила 22 октября английские рыболовецкие суда, тралившие рыбу на банке Доггэра, и приняла их за японские миноносцы. Во время ночной атаки был потоплен один английский траулер, а крей-

¹ В битве при Цусиме флот адмирала Того потопил восемь русских броненосцев, три крейсера, пять миноносцев, один легкий крейсер и три транспортных корабля. Четыре броненосца Небогатова сдались, японцы захватили также два русских корабля-госпиталя. Из числа спасшихся кораблей три крейсера, один миноносец и три транспортных судна были интернированы в нейтральных портах. Погибло более 5000 моряков, столько же попало в плен.

сер «Аврора» был подбит пятью снарядами, выпущенными со своих же кораблей. Этот факт, информация о котором могла достичь стихотворцев только через газеты¹, объяснил мне наконец и то, почему в песне используется слово «пират». Рождественского могли скоро забыть (он умер уже в 1909 г.), но «слава» Небогатова еще больше возросла после войны, так как в 1906 г. его отдали под суд за измену. Ему тоже заменили смертную казнь 10-летней каторгой.

Следует особо отметить мотив ожидания победы, который несколько раз встречается в песне. Конечно, солдаты на поле боя ожидали победу, но в данном случае важнее то, что возможность добиться ее анализировалась и в газетах. Например, сразу после отправления флота Рождественского в них развернулась дискуссия, в которой участвовали разные военные специалисты. Старались высчитать время, нужное эскадре для прибытия на Дальний Восток, и ее шансы успешно противостоять японскому флоту. Повторно публиковали сообщения о том, как проходит путешествие, и мнения касательно возможных боевых задач отдельных судов после прибытия. Сравнивали сильные и слабые стороны русских и японских кораблей и портов, обсуждали проблемы снабжения углем и т.д. Все это во многом напоминает нынешние газетные дискуссии перед большими спортивными соревнованиями, где тоже бывают отражены надежды общественности на победу своей команды.

Теперь рассмотрим военные эпизоды в так называемой революционной песне. В отличие от военной мы находим там Куропаткина не в ванне с вином, а в будуаре жены. Например, такие варианты:

*Когда повсюду бушует война
С такой бешеной злостью,
Куропаткин в своем будуаре
Дурачится с женой.*

*(Kui väl'las möllab sõda
nii (h)irmsa vihaga,
Kuropatkin omas kambris
teeb nalja naisega.)*

RKM, Mgn. II 1478 a < Кирбла
< Иоханнэс Лийв (1968).
(Kirbla < Johannes Liiv)

*Куропаткин, военный министр,
Строит куры женщинам,
Армия голодает
И бьется со смертью.*

*(Kuropatkin sõjaminister
peab sehvti naistega,
sõjavägi näljas
ja võitleb surmaga.)*

RKM, Mgn. II 1598 b
< Виру-Яагупи, в. Рягавэрэ,
с. Ууэмыйса < Иоханнэс Саарэ
(1969). (Viru-Jaagupi, Rägavere v,
Uuemõisa k < Johannes Saare)

Эти куплеты еще более неуклюжи, чем в военной песне. Может, шалости с винной ванной сделались актуальными позже,

¹ «Постимээс» опубликовал сообщение об инциденте 25 октября 1904 г.

накануне Первой мировой, когда в Петербурге действовал другой герой, харизматичный праведник. В некоторых вариантах песни уже говорится о Распутине, балующемся в винной ванне. Фунт собачьего мяса, как уже было сказано, стоит в этих песнях обычно полтинник. Но пляшут не русского, а кровавый танец.

<i>Там ели собачье мясо,</i>	<i>(Seal koeraliha söödi,</i>
<i>Его фунт стоил полтинник,</i>	<i>pool rubla maksis nael,</i>
<i>И танцевали кровавый танец,</i>	<i>ja veretantsu löödi,</i>
<i>Там, где кончились страдания многих.</i>	<i>kus lõppes mitme vaev.)</i>

РКМ II 185, 371 < Ярвамаа, Виссувэрэ < Юули Тэпсманн (1964).
(*Järvamaa, Vissuvere < Juuli Tepsmann*)

Несколько вариантов песни содержат куплет о мастере отступления Куропаткине. В песне о японской войне такого куплета нет.

<i>Этот мастер отступления,</i>	<i>(See taganemise meister</i>
<i>Куропаткин знаменитый,</i>	<i>Kuropatkin kuulus mees,</i>
<i>Перечень мертвых у тебя</i>	<i>kas surnute register</i>
<i>Стоит ли перед глазами?</i>	<i>sul seisab silma ees?)</i>

РКМ II 309, 597 < Симуна < В. Вийрманн (1974). (*Simuna < Villem Viirmann*)

Как уже упомянуто раньше, отступление было частью русского оперативного плана. Куропаткин публично заявил, что «никакие местности, никакие пункты не должны иметь для нас столь большого значения, чтобы, обороняя их, мы бы предоставили врагу шанс разгромить основные силы наших войск» [Свечин 1928: 468–469].

Самое большое различие между всеми вариантами военной песни, с одной стороны, и революционной, с другой, — это следующий куплет, который почти всегда имеется в революционной, но отсутствует в военной.

<i>Одного недоумка там нашли</i>	<i>(Üks lambapea seal leiti</i>
<i>И послали на войну.</i>	<i>ja sõtta saadeti.</i>
<i>Его звали Лийнэвитс,</i>	<i>Ta Liinevitsaks hüüti,</i>
<i>Надеялись на его победу.</i>	<i>temast võitu loodeti.)</i>

РКМ II 309, 597 < Симуна < В. Вийрманн (1974). (*Simuna < Villem Viirmann*)

<i>Одного недоумка оттуда нашли</i>	<i>(Üks lambapea säält leiti</i>
<i>И послали на море.</i>	<i>ja merel saadeti</i>
<i>Звали его Нинэвитс</i>	<i>ta Ninevitsuks üiti</i>
<i>И надеялись на победу.</i>	<i>ja võitu loodeti.)</i>

РКМ, Mgn. II 577 g < Халлистэ, Лаатрэ < Маали Вилумаа (1961).
(*Halliste, Laatre < Maali Vilumaa*)

В связи с этим нужно представить последнее историческое лицо рассматриваемых событий — Николая Линевича. На самом деле его не посылали на войну откуда-то издалека, так как до перехода под командование Куропаткина (в марте 1904 г.) он сначала был главнокомандующим Маньчжурской армией, а потом начальником Приамурского военного округа. После поражения русских войск в Мукденском сражении Линевича назначили вместо Куропаткина главнокомандующим (16 марта 1905 г.). Конечно же, никакого перелома в ходе войны это событие не принесло. Так как Николай Линевич остался в глазах эстонцев довольно эпизодическим лицом в последние месяцы войны, не проигравшим лично никакого большого сражения, его имя быстро забыли. Так и находим в двух вариантах военной песни строки с безымянным недоумком.

*Одного недоумка еще нашли
И туда послали
И русского плясали,
И ждали победу.*

*(Üks tainapea veel leiti
ja sinna saadeti
ning vene tantsu löödi
ja võitu oodati.)*

RKM, Mgn II 1841 a
< Оскар Сурва (1970)

*Одного барана еще нашли
И туда послали.
Его представляли волком —
Ждали от него победу!*

*(Üks oinapea veel leiti
ja sinna saadeti.
Tast kujutati hunti —
talt võitu oodati!)*

RKM II 280, 506
< Оскар Сурва (1971)

В революционных песнях за тем местом, где говорится о корытах небогатовской флотилии, обычно следует куплет о том, сколько денег дали на нужды флота, и делается предположение, что эти миллионы прикарманили военачальники.

*Уж миллионы даны
На этот флот.
Куда это деньги делись?
Все в их карманы ушло.*

*(Küll miljonid on antud
see laevastiku eest.
Kus on see raha saanud?
Kõik nende tasku läind.)*

KKI 12, 389/90 < в. Тыстамаа, с. Алу < из песенника Мийны Сурова (1950). (*Tõstamaa, Alu < Miina Surov*)

Про финансовый ущерб, связанный с потерей флота, часто писали в газетах. Не остались секретом и суммы, потраченные на довоенный проект по строительству военных судов, якобы составлявшие 36 % всех военных расходов и 6 % бюджета страны [Свечин 1928: 463].

В революционных же песнях Небогатова называют не морским разбойником, а морским львом. Действительно, звание пирата больше подходит Рождественскому, напавшему на мирных рыбаков.

Вообще-то в революционных песнях встречается еще один

куплет, об ужасах войны, который отсутствует во всех песнях военных.

<i>Не было пощады</i>	<i>(Ei olnud armu leida</i>
<i>В то тяжелое военное время,</i>	<i>sel raskel sõja aal,</i>
<i>Коль успеешь лечь под куст,</i>	<i>kui jõuad põõsa heita,</i>
<i>Почувствуешь там страх.</i>	<i>siis hirmu tundsüd seal.)</i>

КК1 12, 390 < в. Тыстамаа, с. Алу < из песенника Мийны Сулова (1950). (*Tõstamaa, Alu < Miina Surov*)

Этот куплет в некоторых вариантах связан с Куропаткиным:

<i>Где нужно было храбро</i>	<i>(Kus vapralt vaja võita,</i>
<i>Биться на поле брани,</i>	<i>seal vaenuvälja peal,</i>
<i>Там схоронился под кустом</i>	<i>end võttis põõsa peita</i>
<i>Этот Куропаткин.</i>	<i>see Kuropatkin seal.)</i>

РКМ, Mgn. II 1051 а < Анна, с. Нурмэ < Отто Каговэрэ (1965). (*Anna, Nurme < Otto Kagovere*)

Какие выводы можно сделать из сказанного?

Революционная песня, несомненно, возникла вскоре после кровавых событий на таллиннском новом рынке. Это показывает корявость и спонтанность текста, изображение кричащего в беде народа, подчеркивание глухоты царя и т.д. Поскольку события войны используются как цитаты с целью показать, что военные храбры только, когда убивают народ, можно предположить, что существовал какой-то вариант военной песни, откуда взяты соответствующие куплеты. Критерием отбора было упоминание по имени определенной личности. Поэтому, например, не годился куплет про гибель «Петропавловска». Но это не объясняет, почему поэтически лучше сделанные стихи должны были стать столь неуклюжими в революционной песне. Однако революционная песня содержит еще один заимствованный куплет, который на этот раз связан с «Морандо Морандини» (Morando Morandini) — популярным рассказом про разбойников.

<i>Король Муральдини</i>	<i>И король Муратини</i>
<i>В Альпийских горах,</i>	<i>В Алкунских горах,</i>
<i>Почему он не остановит</i>	<i>Почему ты не остановишь</i>
<i>Эти струи крови?</i>	<i>Эти реки крови?</i>

<i>(Kas keiser Muraldini</i>	<i>(Ka keiser Muratiini</i>
<i>Alpiini mägedes,</i>	<i>Alkuni mägedel</i>
<i>miks tema ei tee piiri</i>	<i>miks sa ei pane piiri</i>
<i>neil verepisetel?)</i>	<i>neil vere jõgedel?)</i>

КК1 12, 390/91 < в. Тыстамаа, с. Алу < из песенника Мийны Сулова (1950). (*Tõstamaa, Alu < Miina Surov*)

ERA II, 170, 318 < Пярну-Яагупи < Хэйнрих Хэндриксон (1937). (*Pärnu-Jaagupi < Heinrich Hendrikson*)

*Куропаткин, знаменитый разбойник
В Лаоянских горах,*

Почему ты не остановишь

Эти реки крови?

*(Kuropatkin, kuulus röövel
Laojaani mägedel,*

Miks sina ei tee piiri

Neil verejõgedel.)

RKM, Mgn II 577 g < Халлисте,
Лаатрэ < Маали Вилумаа (1961).
(Halliste, Laatre < Maali Vilumaa)

Сравн.:

*На скалах в Альпийских горах
Жил разбойник, бравый,
верный человек*

*Морандо Морандин, который
на земле и на море*

Храбрый и бравый без страха.

*(Alpiini mägedes kaljude peal
elas üks röövel, kes vahva, truu
mees*

*Morando Morandiin, kes maa ja
mere peal*

julge ja vahva ilma kartuseta.)

RKM II 252, 437 < Карусэ,
Мяэкюла < Прийдик Вахар
(1968). (Karuse, Mäeküla <
Priidik Vahar)

Аарнэ Винкель пишет, что издатель Давид Мартсон (David Martson) стал публиковать в 1873 г. частями (всего шесть частей — 613 страниц) пиратскую историю «Морандо Морандини, этот храбрый, бесстрашный, на всех наводящий ужас Разбойник Суши и Моря, или Рыцарь Смерти» (*Morando Morandini, see julge ja ilma kartuseta, aga kõigist kardedaw Maa ja Mere Rööwel ehk Surma Rüütel*), написанную по мотивам пиратского романа Кристиана А. Вульпиуса (Christian A. Vulpius) «Rinaldo Rinaldini, der Rauberhauptmann». В 1875—1883 гг. вышел частями и сам «Главарь разбойников Ринальдо Ринальдини» (*Röövliapäilik Rinaldino Rinaldiini*) [Vinkel 1966: 294]. Учитывая, что про героя Вульпиуса сочинялись и простонародные стишки (например, «Главарь разбойников Ринальдини и его милая Роза» (*Röövli pealik Rinaldiini ja ta kena Roosa*) Фр. Брандта (Fr. Brandt) появился в «Песеннике Харью» (*Harju laulik*) в 1872 г., см.: [Vinkel 1966: 293]), можно предположить, что их сочиняли и про Морандо Морандини, приобретшего в Эстонии большую популярность, чем Ринальдини. Сейчас невозможно сказать, из какой песни взят добавленный куплет. Наверное, главной причиной его использования было стремление показать, что даже пират может быть благороднее русского царя, но со временем эта идея из песни выпала.

Для последних процитированных куплетов, которые странным образом можно найти почти во всех вариантах революционной песни, и для рассматриваемых песен вообще характерно множество ошибок, возникших при переписке. Это показывает, что с какого-то момента тексты стали распространяться в основном письменным путем. Но такие же ошибки (*hunti*, т.е. «волка», вместо *hüüti* — «звали») находим и в воен-

ных песнях. Относительно времени возникновения последних я сначала полагал, что такие песни можно было сочинять только находясь вдали от действующей армии — в теплой комнате и читая газеты. Но затем выяснилось, что некоторые эстонские солдаты (во всяком случае корреспонденты, связанные с «Постимээс») регулярно получали газеты на поле боя. К тому же в их числе были люди с поэтическими амбициями. Это не означает, что я посчитал бы автором песни Антона Сууркарья, который был таким романтиком, что даже свои репортажи не мог оставить без соответствующих патетических пассажей, или же Яна Роотслане. Думаю, что на русско-японской войне было много людей, которые не претендовали на звание поэта, но которые могли бы сочинить подобную песню. Поскольку выяснилось, что и так называемые расширенные куплеты письменного варианта песни Оскара Сурва основываются на исторических фактах (что в свою очередь объясняет и именование Небогатова пиратом), приходится утверждать, что более старая версия военной песни все же придумана уже до декабря 1905 г. В силу какой-то случайности она легла в основу и революционной песни. Эта последняя могла затем свою очередь повлиять на военную, предоставив, например, для нее первый куплет. Ведь говорить о свирепых помещиках и баронах-крепостниках в контексте войны неуместно. Несомненно, песню переделывали после 1905 г., текст стал более насыщенным путем соединения куплетов и изменения образов. Видимо, именно так и превратился развлекавшийся с женой Куропаткин в военачальника, который принимает винную ванну, а имена Линевича и Рожественского из текста выпали.

В эстонском народном фольклоре песни о русско-японской войне занимают особое место. В отличие от многих других военных песен в них дело не ограничивается общим описанием сражений, излиянием чувств возле тела или могилы убитого солдата, похвальбой героическими поступками и тому подобным. Хотя деревенская песня уже использовалась в качестве образца при сочинении некоторых песен времен русско-турецкой войны (одна из них — это ставшая популярной на Сааремаа «Слушайте теперь правду, эстонские друзья» — *Nüüid kuulge eesti sõbrad tõest*), акцент в этих песнях в основном ставился на описании чужих стран, которые солдат повидал на своем пути, а в числе военных события фигурировали и выдуманные, например захват Константинополя [Рюйтел 1977: 90–91]. В наших же песнях модель деревенской песни использована для рассказа о событиях войны, описания важнейших (лучше всего отраженных в периодической печати) боевых столкновений и характеристики русских военачальников, которые имели к ним отношение. Сделать это возможным позво-

лила пресса, благодаря которой события далекой войны приблизились так, будто читатель наблюдал их собственными глазами. Самым важным фактором, без которого песня скорее всего приобрела бы иные формы, стала свойственная революционному времени атмосфера недовольства, когда любая возможность использовалась для того, чтобы указать на беспомощность властей. Допустимо утверждать, что эпоха средств массовой коммуникации началась для эстонцев с русско-японской войны. Именно в это время представления, мнения и суждения множества людей, ставших читателями газет, начали формироваться под влиянием их соотечественников-корреспондентов, освещавших военные действия.

Если бы крейсер «Аврора» погиб в Цусимском проливе вместе с остальными кораблями Второго Тихоокеанского флота, то это не значит, что в 1917 г. не был бы взят Зимний дворец. Если бы броненосец «Петропавловск» не пошел с грохотом ко дну у входа в гавань Порт-Артура, то революция 1905 г. тоже бы все равно состоялась. Разница в судьбах двух кораблей в том, что «Аврора» спаслась от японцев, вышла из войны с незначительными повреждениями и сделалась затем символом захвата власти большевиками, а «Петропавловск», унеся с собой более шестисот человеческих жизней, стал воплощением слабости Российского государства — во всяком случае с точки зрения читателей эстонских газет. Для песни о революционных событиях «Петропавловск» не оказался подходящим объектом — по воле авторов песен для этого годились лишь конкретные «герои войны».

Архивные материалы

- ERA — Фольклорное собрание Эстонского фольклорного архива (Eesti Rahvaluule Arhiivi rahvaluulekogu)
- KKI — Фольклорное собрание Института языка и литературы (Keele ja Kirjanduse Instituudi rahvaluulekogu)
- LTR — Фольклорное собрание Литовского института литературы и фольклора (Lietvių literatūros ir tautosakos instituto Lietvių tautosakos rankraštynas)
- RKM — Фольклорное собрание Эстонского литературного музея им. Ф.Р. Крейцвальда (Eesti TA Fr.R. Kreutzwaldi nim. Riikliku Kirjandusmuuseumi rahvaluule osakonna rahvaluulekogu)
- RKM, Mgn II — Собрание монофонических звукозаписей Эстонского литературного музея им. Ф.Р. Крейцвальда (Eesti TA Fr.R. Kreutzwaldi nim. Riikliku Kirjandusmuuseumi rahvaluule osakonna monolindistuste kogu)

Библиография

Рюйтел И. Русско-турецкая война 1877–1878 годов в эстонской песенной традиции. К столетию русско-турецкой войны 1877–1878 годов / Под редакцией академика АН ЭССР В. Маамяги. Таллин, 1977. С. 76–94.

Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.; Л, 1928. Т. II.

Laululeht <<http://www.soden.ee/~marko/>>.

Lintrop A. Kommentaar: Uhke laev // Postimees. 2005. 30.05.

Postimees 1904 ja 1905. Digiteeritud Eesti ajalehed <<http://dea.nlib.ee/>>.

Üliõpilaslaulik <<http://www.ms.ut.ee/mart/raamat/laul.htm>>.

Vahre L. Kauge lähedane Jaapani sõda // Postimees. 2005. 27.05.

Vinkel A. Eesti rahvaraamat. Ülevaade XVIII ja XIX sajandi lugemisvarast. Tallinn, 1966.